

Эдвард Саид в Восточной Азии: несколько случаев рецепции¹

МОИ ВСТРЕЧИ С САИДОМ

Впервые я услышал имя Эдварда Саида в 1975 году, на третьем курсе университета, а конкретнее, на семинаре по литературной критике. Профессор Юра́ Кимиёси – специалист по английскому романтизму – однажды принес на занятие новую книгу под названием «Феномен начала»². «Этот человек вот прямо сейчас творит невероятные вещи!» – так профессор представил нам автора книги. В то время кумиром всех семинаристов был Михаил Бахтин, который надолго стал базисом всей нашей литературной теории. Я две недели экономил на столовских обедах, чтобы купить его исследование о Рабле! Свою магистерскую диссертацию я писал о том, как Бахтин толкует смех: двоякая природа смеха, характерная для Ренессанса, к Новому времени сходит на нет, но у Свифта она превращается в холодный саркастический гротеск – в этом была суть моей работы.

- 1 Текст написан специально для этого выпуска «НЗ» и является типичным примером «позднего стиля» Инухико Ёмоты, в котором личные воспоминания перемешаны с теоретическими и историческими рассуждениями. – *Примеч. ред.*
- 2 Оригинальное название: SAID E. *Beginnings: Intention and Method*. New York: Basic Books, 1975. На японском вышло под заголовком «Феномен начала: схема и правило» в переводе Ямагаты Кадзуми и Кобаяси Масао в издательстве университета Хосэй в 1992 году. – *Здесь и далее примеч. перев.*

**ОРИЕНТАЛИЗМ И
«ОРИЕНТАЛИЗМ»
В ВОСТОЧНОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ**

Из книги Саида «Мир. Текст. Критика» я прочел пару эссе о Свифте, и они, как мне тогда показалось, предполагали новые подходы. Здесь Саид первым делом переосмысливает взгляд на интеллектуала новейшего времени, начиная с Маркса и Энгельса и заканчивая Грамши, после чего делает попытку взглянуть на Свифта не как на религиозного мыслителя и философа, но как на современного интеллектуала. Может быть, Свифт и в самом деле был реакционным мыслителем, но Саид доказывает, что по крайней мере, судя по его письму, он был писателем, скорее реагирующим, нежели устанавливающим свою позицию (*reactive writer*).

Ведя свой рассказ, Свифт не исходит из тех интеллектуальных ресурсов, которые стоят за ним. Опираясь на одну только деловитую стилистику, присущую идеологическим войнам, он демонстрирует глубокое отвращение к языку и речи, которые транслируют интеллектуальные манипуляции, основанные на силе и власти. Примером выступает Ирландия – первая колония Великобритании, колониальный характер и статус которой всячески отрицались. Во многих смыслах оставаясь в одиночестве, он продолжает сохранять за собой интеллектуальную позицию и статус изгоя и одиночки, еретика и иноверца. Потом уже я узнал, как к неизвестному на тот момент Саиду пришла в голову мысль написать книгу о Свифте.

Когда я дочитал рассуждения Саида о Свифте, у меня буквально с глаз спала пелена. Бахтин предлагал анализировать литературные тексты с абсолютно иных позиций. Я же столкнулся с необходимостью подвести под свою диссертацию новую теоретическую базу. При этом я ничего не знал о личных обстоятельствах Эдварда Саида, для меня он был не более чем радикальным литературоведом-теоретиком из Америки.

В 1986 году на японский язык перевели «Ориентализм», и я помню, как сразу же бросился читать эту книгу. Саид там прямо и открыто критикует те структуры власти, которые скрываются за западными научными исследованиями исламской культуры. В общем и целом оценка выносилась следующая: как литераторы, Нерваль и Флобер, понимали, что всего Востока не охватить, и с опаской ожидали наступления того дня, когда все знания о Востоке будут сведены воедино и тем самым Восток будет взят под контроль, однако им представлялось, что есть надежда избежать подобной ситуации. Переводчик «Тысячи и одной ночи» – уже тогда мне известный Ричард Бертон³ – мог оценить позиции, с которых критиковали ориентализм авторитарного, академического толка. Тут все упира-

3 Ричард Фрэнсис Бертон (1821–1890) – британский литератор, лингвист, переводчик, путешественник, авантюрист, офицер, участвовавший в нескольких военных кампаниях. Переложил (добавив немало от себя) на английский «Тысячу и одну ночь» и «Камасутру».

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

Инухико Ёмота

(р. 1953) – поэт, переводчик, эссеист, кино-критик, специалист в области сравнительного литературоведения. Преподавал в университетах в Японии, Южной Корее, США, Италии.

лось в характерное для Европы состязание в жажде получения знаний о Востоке. Маркс – просто банальный романтик, если он уповал на то, как народы Азии, разрушенные Европой, приблизятся к революции. Экзотизм Пьера Лоти, который уже стал частью нашего ментального обихода, – все подобные случаи и примеры Саид подвергает жесткой и суровой критике.

Стоит задуматься: неужели эта работа и в самом деле служит своего рода лакмусовой бумагой? Что, с ее помощью действительно можно разделить западных ученых и художников, воспевавших колониализм, на хороших и плохих? Это мое первое впечатление от книги необходимо тщательно и подробно проверить с помощью пристального перечитывания. Я не стремлюсь к тому, чтобы усматривать в феномене ориентализма теоретико-познавательную структуру или анонимную эпистему определенной эпохи, несмотря на археологию знания Фуко и анализ гегемоний, предпринятый Грамши, – оба эти хода оказали серьезное влияние на Саида. Вся нагрузка смысла распределена между отдельными частями и фрагментами, которые и произвели на свет этот текст. Именно в этих местах ощущаются тот особый жар, страсть, сердечный пыл, доходящие до упрямства, одержимости и мстительности.

Я не стремлюсь к тому, чтобы усматривать в феномене ориентализма теоретико-познавательную структуру или анонимную эпистему определенной эпохи.

Когда я закончил перечитывать «Ориентализм» Саида, мысли мои погрузились в туман неопределенности и нерешительности. Вероятно, труд Саида, критикующий западные идеи, имеющие своим объектом Средний Восток, можно направить и в сторону японского колониального дискурса. В 1910 году, когда экспансия японского империализма находилась в самом разгаре, была аннексирована Корея. Тогда же возникла теория общих корейско-японских предков, обоснованием для которой стали сравнительные лингвистические исследования корейского и японского языков. Эта теория использовалась в качестве оправдания колониальной политики Японии на Корейском полуострове. В 1930 году на всемирной выставке в Осаке разразился скандал вокруг так называемого «антропологического музея»: в одном из залов демонстрировали айнов⁴ и жителей Окинавы⁵;

4 Айны (гиляки) – древний коренной народ, некогда населявший северные районы Японии, Сахалин и Курилы. Подробнее на эту тему см., например: Щепкин В. В. *Айны глазами японцев*. СПб.: Арка, 2023.

5 Окинава – остров к югу от Кюсю и Сикоку, жители которого – носители так называемого «окинавского диалекта», признаваемого некоторыми специалистами в качестве отдельного языка, а не диалекта японского. То же самое касается их спорной этнической принадлежности: то ли «южные японцы», то ли отдельный народ со своей культурой и обычаями.

их выставили, как редких животных в зоопарке. Разве весь курс, связанный с этой научной и выставочной деятельностью, не является неумелым японским подражанием ориентализму великих западных держав?

Я стал размышлять дальше. Некоторые японские специалисты по истории западного искусства, с одной стороны, убеждены в том, что японцам необходимо изучать великие образцы западного искусства, ибо это должно стать важной частью их эстетического воспитания, но, с другой стороны, они же хвастаются и гордятся тем, что пресловутый «японизм»⁶ расцвел всеми красками, благодаря французскому искусству и литературе XIX века. Они даже утверждали, что японская культура в то время оказала на Европу не менее важное воздействие и влияние, чем Древняя Греция и Рим на искусство эпохи Ренессанса. Подобный наивный культурный национализм мне с самого начала представлялся явлением, абсолютно варварским. Взять тех же японских любителей оперы, этих мелких буржуа, которые восторгаются «Мадам Баттерфляй» Пуччини: задумывались ли они, что это произведение представляет собой апофеоз безграмотности и предрассудков по отношению к японской женщине? С тех пор как появилось кино, уже более ста лет Японии в западном и американском кинематографе символизируют и олицетворяют гейши и харакири, но разве нет в этой нелепой смеси пренебрежения белого человека – но также и изумления, восхищения диковинным, далеким, чем-то совсем иным?

Если продолжить эту мысль, то возникает следующая проблема: разве нет признаков колониализма уже в том случае, когда мы рассматриваем некое условное общество исключительно с позиций его искусства, не обращая внимания на общественный, политический, военный и прочие контексты? Как нам отделить экзотизм, то есть присущую литературе и искусству тягу к неизведанному и чужестранному, от ориентализма как структуры колониальной политики подчинения, доминирования и господства?

У меня есть такое предчувствие, что в случае Японии определить ориентализм – куда более сложное и хлопотное дело, нежели чем в отношении исламских стран. Начиная с XIX века Европа не скрывала своего любопытства к Японии, в результате чего страна была избыточно мифологизирована. Ровно в силу и в рамках этого Япония стала темой, целью и предме-

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

6 «Японизм» (*Japonaiserie*) – в узком смысле: стилевое направление в западном искусстве второй половины XIX века, разновидность ориентального экзотизма. Этому направлению в свое время отдали должное Эдуард Мане, Поль Гоген, Винсент Ван Гог и другие. В более широком смысле под «японизмом» понимается мода на «все японское» (кимоно, лаковые изделия, ширмы, веера, гравюры укие-э и так далее), возникшая благодаря всемирным выставкам в странах Европы в последней трети XIX века.

том ориенталистского дискурса. Но и сама Япония в прошлом приобрела опыт колониального ориентализма, предметом и целью которого было так называемое «окружение»: Окинава, Хоккайдо, Тайвань, Корея и Китай. Что нужно предпринять, чтобы распутать эту двойную структуру?

К сожалению, на данный момент пока что я не приблизился к пониманию этого. Однако мне неоднократно доводилось присутствовать на различных научных заседаниях и симпозиумах, где среди прочего специалисты делали доклады об ориентализме Саида, явно пристально прочтя его книгу и признавая культурный вклад автора. Если прежде эти специалисты при анализе текстов пользовались термином «экзотизм», то после Саида они с виноватыми лицами стали использовать применительно к тем же явлениям понятие «ориентализм». В остальном же в их рассуждениях царил полный хаос, они сами, как и я, пребывали в растерянности.

Разве нет признаков колониализма уже в том случае, когда мы рассматриваем некое условное общество исключительно с позиций его искусства, не обращая внимания на общественный, политический, военный и прочие контексты?

Нет необходимости лишний раз напоминать, что нельзя путать понятия «ориентализм» и «экзотизм». Ориентализм – это не просто стремление и любопытство по отношению к диковинной и неизведанной чужой культуре, это такая форма, такой тип западного дискурса, который основан на бинарной оппозиции Восток–Запад, воспринимаемой как незыблемый постулат и служащей контролю и реструктуризации Востока за счет владения знаниями и информацией. В основе этого дискурса находится фигура западного человека, который репрезентирует человека восточного, замещает его, выступает вместо него, поскольку у восточного человека своего дискурса нет. У Саида не было намерения поменять ложное понимание Востока на истинное. Вернее трактовать его задачу так: следует критически рассматривать те структуры знания и власти, которые позволяют европейцу шантажировать азиата, коль скоро первый монополизировал производство истинного дискурса о Востоке. Даже если осознание подобных структур власти и возможно совершенно честным и искренним образом, все равно вся эта работа проделана исключительно одним Саидом. Ему было необходимо показать, что «рубить сплеча» и выносить наивные суждения, испытывая

благоговейный трепет перед «Экзотическими духами» Бодлера и «Исидой» Нервала, как это делают те, кто никакого отношения к Востоку не имеет, – это недопустимое надругательство над литературным текстом, и ничего больше. Такую интуицию я усвоил из книги Саида.

Тем не менее пока что непонятно, что делать в ситуации, когда японские критики все же берут на себя труд чтения и понимания «Ориентализма» (а для японцев это вовсе не легкое чтение), и в результате этого саидовская могущественная лакмусовая бумага разрушает присущие им привычные ходы мысли. Несмотря ни на что, эти критики проявляют усердие в попытках понимания критических идей и концепций «Ориентализма». Однако многие современные мыслители (в действительном наличии которых я совсем не уверен) воспринимают Саида в качестве последнего модного жокея в сфере литературной критики в англоязычном мире, и не более того.

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

«ПОСЛЕ ПОСЛЕДНЕГО НЕБА»

В 1987 году, во время своей стажировки в Колумбийском университете, я слушал курс лекций Эдварда Саида. Опорными текстами были «Мимесис» Эриха Ауэрбаха⁷ и «Рождение трагедии» Ницше. Саид отчитывал тех студентов, которые входили в аудиторию с опозданием, и на протяжении двух часов с дикой скоростью говорил о Вико, о генеалогии, вся доска при этом была исписана мелом – сплошь имена собственные и цитаты, такие это были лекции. Однажды он обратился ко мне: «Почему это у вас в Японии все журналы называют по-гречески: “Гермес”, “Эврика”? А что круче – карате или дзюдо?» То и дело он поднимался и спускался по библиотечной лестнице Кент Холла с высоченными кипами книг в руках.

В среде студентов образ профессора Саида был окутан легендами. В его кабинете не было ничего, кроме карты Палестины – в этом мог убедиться всякий, кто приносил ему свое сочинение. Когда он возвращался к себе в кабинет после лекции, телефон на столе разрывался от звонков: звонили с приглашениями выступить на телевидении или дать интервью. Он ездил на машине с пуленепробиваемыми стеклами. Самые разные слухи распространялись вокруг фигуры этого человека. Разумеется, ни один из них не имел отношения к действительности. Если что-то и было правдой, то только вот это: в его аудитории слово «ориентализм» было запрещено. «Такой-то

7 Эрих Ауэрбах (1892–1957) – немецкий филолог, историк литературы, один из классиков литературной компаративистики. В последние годы жизни преподавал в США. «Мимесис» (1946) – его классическая работа.

является ориенталистом, такой-то не является...» – ничего подобного он на своих лекциях никогда не говорил. Более того, слово «Палестина» тоже не употреблялось.

Мое пребывание в Нью-Йорке, разумеется, не ограничивалось одними только стенами Колумбийского университета. Я бродил по Чайнатауну, посещал выставки в Сохо, иной раз доводилось пообщаться с разными художниками и музыкантами. Интеллигенция азиатского происхождения нередко упоминала в своей речи Саида. Их прежде всего волновал палестинский вопрос, специального интереса к литературной критике у них не было. В Америке, где господствующее положение занимают белые и где считается, что американский «плавильный котел» поглотит и переработает все что угодно, к автору «Ориентализма» проявляли сочувствие. Среди многочисленной творческой интеллигенции – выходцев из Азии – Саид был фигурой, олицетворяющей высокие морально-нравственные принципы и ценности. Один драматург и сценарист из Филиппин, сейчас уже отошедший от дел и покинувший интеллектуальную сцену, признавался, что чтение Саида возвращало его к жизни и придавало ей смысл. Театральный критик из Индии не переставая громил и разносил в пух и прах «Махабхарату» Питера Брука, но Джорджа Харрисона⁸ и Саида он обожал. А японский арт-критик с абсолютно серьезным видом рассказывал, как сын Саида в средних классах подвергался издевательствам, но, когда он объединился с одноклассником-японцем, вместе им удалось дать отпор обидчикам – это было совсем как в героических эпохах прошлых веков.

В декабре 1987 года в Газе произошла первая интифада и была образована группировка ХАМАС – движение исламского сопротивления, название которой можно также прочесть как «горячее чувство». С одной стороны, эта организация способствовала обустройству жизни в Газе и на Западном берегу; она помогала справиться с безработицей, занималась социальной поддержкой, давала деньги на образование, но, с другой стороны, эта же организация была решительно против мира с Израилем, заявляя, что еврейское государство должно исчезнуть с лица земли.

Во время палестинских событий профессор Саид непрерывно давал интервью, интенсивность его рабочего графика просто зашкаливала. По утрам, начиная с десяти часов, телефон в его кабинете звонил не умолкая. «Это уже семнадцатый звонок за сегодня», – как-то заметил коллега Саида, молодой филолог-компаративист, профессор Дэвид Дамрош.

8 Участник «The Beatles» Джордж Харрисон с середины 1960-х стал проявлять интерес к культуре и философии Востока. В тот период он познакомился с классической музыкой Индии, начал учиться игре на ситаре у Рави Шанкара, совершил паломничество в Индию, сблизился с кришнаитами, практиковал медитацию.

Книга «После последнего неба» попала мне в руки как раз во время той стажировки в Колумбийском университете. Она была опубликована в 1986-м, то есть как раз за год до моего приезда в Нью-Йорк. Я приобрел себе экземпляр в книжной лавке на Бродвее, неподалеку от университета: магазинчик держали студенты университета, и на полках царил полный бардак. «После последнего неба» была книгой крупного формата с большим количеством изображений Палестины – спасибо фотографу.

В этой работе идет речь о печальных событиях из жизни самого профессора, о которых не знал ни я, ни другие читатели. Когда Саиду было двенадцать, его семья лишилась своего дома в Иерусалиме и его отец тогда сказал, что им придется переехать в другую страну. Большинство жителей их квартала были мусульманами-суннитами либо православными греками, поэтому протестантская в английском духе семья чувствовала себя принижено и ущербно. Когда они были на пути в Каир, на границе британский чиновник, взяв в руки паспорт матери Саида, сказал, что ей стоит воспользоваться паспортом мужа и тогда все пройдет как надо, а этот паспорт, мол, необходим для того, чтобы переправить еврейку из Европы. Отец с тех пор до самой смерти никогда не упоминал о родине, и для Саида Палестина стала чем-то вроде прустовского воспоминания.

Благодаря этой книге, я впервые узнал личную историю Саида. Его семья перебралась в Каир, где он учился в Колледже Виктории, а затем, переехав в США, – в Принстоне. Потом он возвращается в Каир и какое-то время помогает отцу с делами, но затем получает в Гарварде докторскую степень по сравнительному литературоведению. Сам себя он считает и называет палестинцем, во вторую очередь – евреем. Но известных евреев много – и Эйнштейн, и Шагал, и Фрейд, – так почему же среди знаменитостей нет ни одного палестинца? С какого-то момента он, подобно прустовскому персонажу, начинает думать о Палестине как о земле обетованной, как о краях мечты, связанных с утраченным временем. Название «После последнего неба» отсылает к стихам палестинского поэта-эмигранта Махмуда Дарвиша:

Куда нам идти после последней границы?
Куда лететь птицам после последнего неба?
Когда последнее дыхание оборвется, где уснуть цветам и травам?
[...]
Здесь и подохнуть.
На этих путях, на этих последних тропах.
И, может, когда-нибудь где-то здесь или вон там
Из нашей крови вырастет оливковое дерево.

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ
АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ
РЕЦЕПЦИИ

Эти стихи Дарвиш написал в начале 1980-х, когда, будучи членом Организации освобождения Палестины (ООП), остановился в Бейруте и боялся, что город захватит армия Израиля и его убьют.

Благодаря «После последнего неба», мне открылись совершенно незнакомые стороны Саида. Передо мной предстал интеллигент, критикующий структуры власти и родства применительно к Востоку, продолжающий литературоведение в ницшеанском духе, сам при этом с детства лишенный родины и вынужденный обретаться где угодно, но исключительно на чужбине. Стойкость этого человека внушала мне глубокое уважение. Одновременно с этим я проникся интересом к Дарвишу и стал читать в английских переводах стихи этого поэта, оказавшего влияние на саидовский труд.

Вернувшись в Японию, я решил перевести «После последнего неба» на японский и предложил эту вещь редактору одной крупной японской газеты. Она ответила мне сухим отказом: «Наша газета не станет публиковать книгу этого никому не известного арабского автора». Ее позиция высокомерного невежества вызвала у меня отчаяние. Это означало одно: в Японии никто не имеет понятия о том, что Саид целиком и полностью погружен в палестинские дела. Саида знали только молодые филологи-англисты: он был известен как современный мыслитель, читать и понимать которого можно было без знания французского языка. «После последнего неба» вышла на японском только в 2005 году, то есть девятнадцать лет спустя публикации оригинала. Заглавие поменяли на «Что такое Палестина?»⁹, не оставив тем самым никаких следов поэзии Дарвиша.

В 1993 году Саид выступал против «соглашений Осло». Он настаивал на том, что освобождение Палестины и установление ее административного самоуправления – это совершенно разные проблемы, измерения и точки зрения, но к голосу Саида никто не прислушался. В Японии никто не ожидал, что это повлечет за собой обострение в ближневосточном регионе. В 1990-е в Японии еще никто знал Саида – борца за дело освобождения Палестины. Я перевел маленький сборник эссе Эдварда Саида «Возвращение в Палестину», – тот вышел в 1999 году.

От Саида к палестинскому вопросу

Здесь я хотел бы переключиться на более личные, частные материи. В 1990-е я сосредоточился на темах, далеких от Саида. В то время я погрузился в изучение итальянского языка и кине-

9 Книга издана издательством «Иванами» в переводе Симы Хироюки (1956–2012) – специалиста по английской литературе, критика, переводчика (среди прочего) американского литературоведа Гарольда Блума.

матографа. Находясь на стажировке в Болонском университете, я числился по кафедре искусствоведения и начинал писать обстоятельное исследование о поэте и кинорежиссере Паоло Пазолини. Среди моего итальянского окружения Саид вовсе не был предметом и темой разговоров. Итальянский перевод «Ориентализма» вышел в издательстве «Фельтринелли», и я подарил его одному знакомому студенту из Марокко, на что в ответ услышал, что, мол, ученые из Англии и Франции поступили плохо – и дальше что-то слишком сложное и малопонятное. От других студентов-киноведов реакция была еще более тупой. Италия вступила в колониальные соревнования позже других стран Европы и Америки, поэтому осознание важности постколониальных исследований здесь было чем-то далеким.

В 1990-е, когда я был на стажировке в итальянском студенческом городке, никаких признаков Среднего и Ближнего Востока не ощущалось. Для местных острой проблемой была война по ту сторону Адриатики. Умер Тито, республики бывшей Югославии наперебой вопили о собственной независимости и желали отделения друг от друга, совершались невероятные зверства, разруха прогрессировала. Беженцы валили в Италию толпами, и местные думали-гадали, как со всем этим быть. Оказать радушный прием? Выгнать ко всем чертям? Так я впервые узнал выражение «очищение нации» – прежде всего в контексте тех зверств, которые сербы творили в отношении боснийских мусульман.

Внезапно мой интерес к далекому Саиду и Палестине вновь оживился. В середине 1999-го старый знакомый редактор попросил меня перевести путевые заметки Саида о его путешествиях в Палестину.

В 1991 году, когда Саиду было 56 лет, врачи поставили ему диагноз лейкемия. После долгих колебаний он принял решение отстраниться от политической активности. Бюрократизация внутри ООП усиливалась день ото дня, а физические и душевные силы Саида были истощены до предела. В 1992-м, то есть 45 лет спустя, Саид решает приехать в Иерусалим, где прошли его детские годы. Планируется семейное путешествие: его будут сопровождать жена Мариам (Кортес) – сама родом из Ливана, – сын Вади и дочь Наджля.

Безопасность этого путешествия вовсе не была гарантирована. Саиду могли запретить въезд за его давние глубоко антиизраильские выступления, кроме того, власти Израиля могли арестовать его в любой момент – такая опасность не была исключена, поскольку несколько лет назад ему уже запретили въезд в страну. Но желание хотя бы раз показать своим детям, которые никогда не видели Иерусалима, те места, где он родился, рос и воспитывался, было очень сильным. Не менее

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

сильным было желание взглянуть на Палестину спустя полвека после Накбы, посмотреть на то, как страна изменилась под властью сионистов.

В конце концов, Саиду и его семье разрешили беспрепятственно въехать в страну, и, хотя срок пребывания был невелик, они проехали от Иерусалима до Рамаллы на Западном берегу, от Иерусалима до Назарета и Хайфы, и, наконец, они посетили сектор Газа. Везде, где бы Саид ни оказывался, он встречался с большим количеством людей, многие встречали его с распростертыми объятиями, но иной раз он уносил с собой разочарование. В доме, где Саид прожил до двенадцати лет, впоследствии жил Мартин Бубер¹⁰, затем особняк много раз переходил из рук в руки, менялся внешне, и в результате его изначальный вид почти не сохранился. Насчет места Саид был уверен, но ему потребовалось немало времени, чтобы узнать родной дом.

Заметки о палестинском путешествии были опубликованы в «Observer» и вошли в собрание текстов Саида, но отдельно публиковались только в переводе на французский и итальянский языки. Французский издатель, судя по всему, посчитал известность автора недостаточной и потому сопроводил текст предисловием Цветана Тодорова¹¹. Я получил копию этой журнальной публикации от самого Саида по факсу и немедленно приступил к переводу. Объем текста на отдельную книжку не хватало, и я добавил еще три эссе Саида, связанных с Палестиной, вышедших сразу же после этого. Одно из них опубликовал итальянский «Иль Манифесто». Я попросил у Саида английский оригинал, но по занятости он все никак не мог мне его переслать. Делать нечего, и я перевел как есть, прямо из вырезки итальянской газеты. Абсурд какой-то, сплошное расстройство.

Таким вот образом в сентябре 1999 года в издательстве «Сакухинся» в моем переводе вышла книга Эдварда Саида «Возвращение в Палестину». В ходе работы мне попало всего одно слово, смысла которого я никак не мог понять. Это была сласть под названием «мтаббак», которая продавалась в одной кондитерской в старой части Иерусалима. В то время в моем окружении не было никого, кто мог бы мне помочь уточнить реалию. Я даже думал позвонить в консульство Палестины, но побоялся, что мне никто не ответит, и отказался от этой идеи. Я самонадеянно полагал, что своим переводом я смогу показать нового Саида: не уже известного интеллектуалам критика-литературоведа из англоязычного мира, но Саида-палестинца.

10 Мартин Бубер (1878–1965) – австрийский, позже израильский, философ, его основной труд – «Я и Ты» (1923).

11 Цветан Тодоров (1939–2017) – французский теоретик, философ, семиотик, структуралист, литературовед. Среди прочего занимался исследованиями фантастической литературы. Был одним из проводников идей Михаила Бахтина на Западе.

Через некоторое время я перечитал свой труд и обнаружил элементарные ошибки в названиях и именах – следствие отсутствия систематических знаний об истории и географии Палестины. Когда я перечитываю эту книжку и гляжу в наскоро состряпанные комментарии, меня прошибает холодный пот. Тем не менее работа над книгой о незнакомой мне Палестине многому меня научила. Потому я все же хотел бы остановиться на трех вещах, связанных с этой работой.

Для начала: первым, кто ее отрецензировал, был японский кореец, политический мыслитель Ким Сан Чжун. Он также был обеспокоен тем, сможет ли Саид благополучно въехать в страну, и, борясь с сомнениями, вспоминает о своем первом возвращении в Корею, когда на него напали в аэропорту. Многие корейцы, проживающие в Японии уже во втором поколении, не разговаривают на родном корейском языке. Поэтому во время визитов в Корею на них смотрят с недоверием, считают предателями, обрушиваются с дискриминирующими, уничижительными высказываниями. Ким Сан Чжун не был исключением. Он пишет о том беспокойстве, которое испытывал, впервые прилетев в Корею. Он пишет о состоянии интеллектуала, который впервые приезжает на родину, где он никогда не был, и при этом явно сочувствует Саиду. Я всегда испытывал интерес к литературе и кино японских корейцев и поэтому очень порадовался не только тому, что перевел именно эту книгу Саида, но и тому, что она привлекала внимание Кима Сан Чжуна.

Вторая радость: мой перевод послужил стимулом к тому, чтобы японский режиссер-документалист Макото Сато снял фильм «Эдвард Саид. *Out of Place*» (2006). Об этом фильме я еще расскажу подробнее.

И, наконец, третье. Вообще говоря, это совершенно частное обстоятельство касается исключительно меня одного, но тем не менее я должен признаться. Дело в том, что я преисполнился интереса к Палестине и Израилю. В университете я не изучал историю ни Среднего Востока, ни политической мысли. Никаких систематических знаний о современной истории и культуре этого региона у меня не было, даже самых базовых. Надо ли говорить, что перевод требует чтения необходимой литературы по теме. В ходе работы я узнал и о декларации Бальфура, принятой в 1917 году, и о возникновении государства Израиль, и о формировании ООП, и о палестинском сопротивлении; я узнал про интифаду и про переговоры в Осло, у меня появились общие представления об исторических обстоятельствах, связанных с Палестиной и Израилем.

В сентябре 2003 года жизнь Эдварда Саида оборвалась. Критикуя американско-израильское политическое буйство, считая конференцию в Осло лживой и обманной, не щадя своего духа

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ
АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ
РЕЦЕПЦИИ

и живота, Саид умер за дело освобождения Палестины. Силы покидали его, и, когда он уже не мог писать книги, он переключился на интервью, а когда и на это сил перестало хватать, он продолжал писать блербы для обложек книг и таким образом высказываться. Дебютировав критическим сборником «Начала», по мере приближения смерти он заинтересовался поздним периодом творчества мыслителей и людей искусства, и поэтому последней книгой стала работа под названием «О позднем стиле»¹².

По заказу я написал текст памяти Саида, но у меня все равно осталось чувство неудовлетворенности, будто мне так и не удалось до конца прочувствовать те сожаление и досаду, которые царили в его душе. Кэндзабуро Оэ (когда-то в студенческие годы я помогал ему: работал с его рукописями, переписывал набело его черновики) хотел, чтобы я написал книжку о Саиде и включил в нее воспоминания о тех его лекциях, слушателем которых мне посчастливилось стать в свое время, но я не смог оправдать ожиданий Оэ. Дело в том, что у меня категорически не возникало желания писать такую книгу о Саиде, где я в мельчайших подробностях и деталях разбирал бы его труды, обсуждал и прослеживал изменения в его взглядах, теоретических построениях и тому подобное. По всему миру есть специалисты по Достоевскому, специалисты по Булгакову или Хлебникову, они есть даже в Японии, но быть специалистом по Саиду – с таким положением дел я никак не мог примириться, все во мне протестовало против этого. К тому же я вовсе не считал, что гожусь на эту роль. Если бы я еще учился в аспирантуре, если бы я мог ограничить свой пыл литературного критика и сосредоточиться только на одном лишь подробном и детальном рассмотрении достижений Саида, тогда из этого еще могло что-то получиться. Однако, обсуждая Саида как литературного теоретика, я бы наверняка не смог удержаться от того, чтобы упомянуть утрату, боль, тревогу, волнения и беспокойства, которые сопровождали его на протяжении всей жизни, и тут меня обуревали сомнения и скепсис. Как я мог приблизиться к его горькому осознанию того факта, что он сам был дитя ориентализма? Все же на меня всерьез повлиял тот импульс, который возник благодаря переводу книги Саида и который позволил мне немного приблизиться, вступить на территорию Палестины и Израиля.

Во время годовичного отпуска в том университете, где я работал, я подал заявление на должность корреспондента по делам

12 В оригинале: SAID E. *On Late Style: Music and Literature against the Grain*. New York: Pantheon Books, 2006. Перевод на японский последовал незамедлительно, он был выполнен Оохаси Еити (р. 1953) – шекспироведом, профессором Токийского университета, впоследствии занявшимся поэтикой и историей, *science fiction*, гендерными исследованиями.

культуры – ее как раз учредил тогдашний глава министерства культуры Хаяо Каваи¹³. Это означало целый год читать лекции о японской культуре в одном из уголков мира. Предварительная оценка ситуации показала, что в такие страны, как Франция или Америка, желали поехать толпы народу – специалисты по классическому искусству, музыканты, художники манга... Но что касается Израиля, Югославии, Иордана, Исландии – выяснилось, что желающих поехать туда было ноль. В первые две страны МИД рекомендовал своим соотечественникам плыть по морю, что было сопряжено с известными неудобствами¹⁴. Без всяких сомнений я подал заявление, чтобы меня направили именно в эти страны. Документы были приняты и одобрены без проблем. Глава министерства культуры напоследок спросил только: «Неужели и в самом деле поплывете?» – и обеими руками сжал мою ладонь.

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

Обсуждая Саида как литературного теоретика, как я мог приблизиться к его горькому осознанию того факта, что он сам был дитя ориентализма?

По возвращении из Палестины

В 2004 году по приглашению университета Тель-Авива я читал лекции о японской культуре, сосредоточившись в основном на кино. В то время все боялись взрывавших себя палестинцев, израильская армия в свою очередь наносила точечные удары по лидерам ХАМАС, находившимся в Газе. Я нередко приезжал на Западный берег и беседовал с людьми театра из Рамаллы.

Я вспоминал лекции Саида, которые слушал в Колумбийском. Он признавался, что уже давно и мыслит, и пишет на английском, а слушать лекции, понимать вопросы и принимать участие в дискуссиях на арабском толком уже не может.

Вернувшись в Японию, я больше не возвращался к теоретическим трудам Саида. Вместо этого, привлекая в качестве справочного материала английские и французские переводы, я засел за перевод стихов Махмуда Дарвиша – того самого палестинского поэта, которого Саид цитирует в заглавии своей книги «После последнего неба». Кроме того, я пригласил

13 Хаяо Каваи (1928–2007) – японский психолог и психиатр, родоначальник японского юнгианства, автор популярных книг о японском языке, «японском духе», феномене детства и о многом другом, написанных в том числе в соавторстве с прозаиком Кэндзабуро Оэ и поэтом Сюнтаро Таникавой.

14 В период войн на территории бывшей Югославии и на Ближнем Востоке японский МИД из соображений безопасности рекомендовал своим гражданам в случае необходимости добираться до соответствующих стран морем, а не по воздуху.

в Японию проживавшего в Израиле палестинского актера и режиссера Махмуда Бакри и занимался подготовкой его моноспектаклей. Если в Японии готовились к показу палестинские фильмы, я писал обзоры, а когда в Японию приезжали палестинские режиссеры, брал у них интервью.

В 2000-е труды Саида стали активно переводить на японский и перевели практически все. Постепенно происходило осознание, что он не только новомодный теоретик литературы, но и интеллектуал, имеющий непосредственное отношение к палестинскому вопросу. В результате сегодняшнее печальное положение дел таково, что для многих «палестинская составляющая» Саида превосходит все прочие. Вероятно, нет необходимости писать об отдельных примерах такого рода рецепции. Вместо этого меня больше занимают особенности того, как воспринимают Саида в Японии.

В Японии о Саиде посмертно сняли документальный фильм, – уже одного этого достаточно, чтобы говорить о глубокой симпатии японцев. Кроме того, один из наиболее влиятельных и заметных писателей современной Японии – Кэндзабуро Оэ – написал прозаическую книгу, вдохновившись поздней работой Саида. Не только палестинский вопрос и современная теоретическая мысль, но и кино, и литература – на всем ощущается интеллектуальная тень влияния Саида. Я думаю, что подобное восприятие Саида в Японии уникально и специфично само по себе, если говорить только о странах Азии и сравнить этот феномен с рецепцией автора в Корее, Китае и на Тайване. Ниже я сначала в общих чертах постараюсь рассмотреть особенности рецепции Саида в Корее и в Китае с привлечением работ местных исследователей, а затем покажу на примерах, как наследие Саида отразилось в японских кино и литературе.

САИД В КОРЕЕ

В Корее Саида восприняли более прохладно по сравнению с Японией. Связано это было в первую очередь с тем культурным национализмом, причина которого коренится в разделении страны надвое. Здесь я хотел бы рассмотреть проблему рецепции Саида в Корее, опираясь на работу «Культура и мировое гражданство. Эдвард Саид и Южная Корея» Юн Хэ Дона – корейского специалиста по истории Азии, автора труда «Новое время – создатель колоний»¹⁵.

В Южной Корее «Ориентализм» перевели только в 1991 году – на пять лет позже, чем в Японии. В 1980-е этот прорывной труд

15 Юн Хэ Дон (р. 1959) – южнокорейский историк. Что касается Саида, то Инухико Ёмота здесь опирается на публикацию в японском журнале «Мысль» (2023. № 12).

оказался на гребне волны интеллектуальной моды во всем мире; наряду с работами последователей и толкователей Саида, такими теоретиками деколонизации, как Гаятри Спивак и Хоми Баба¹⁶, «Ориентализм» приобрел статус базового чтения для всех студентов и аспирантов, которые писали свои работы в области теории литературы. По какой же причине в Южной Корее перевод «Ориентализма» вышел с таким опозданием?

Во второй половине 1980-х Южная Корея активно сопротивлялась военной диктатуре, интенсивное демократическое движение было в самом разгаре, поэтому у интеллектуалов и студенчества не было возможности критически реагировать и прислушиваться всерьез к культурным явлениям в странах арабского мира. Затем постепенно критическая мысль Саида все же проникла на территорию корейского интеллектуального поля, где современный англоязычный мыслитель вызвал самый настоящий восторг. Тем не менее ни одна из работ Саида о палестинских проблемах на корейский язык переведена не была, что делает представления корейских интеллектуалов о Саиде однобокими; целиком и полностью критическая мысль Саида в Корее до сих пор так и не представлена. И уж тем более, в отличие от Японии, в Корее никто не вдохновился трудами Саида для создания собственных художественных произведений или литературно-критических текстов.

Юн Хэ Дон указывает на две причины такого приема, оказанного Саиду в Корее. Первая заключается в том, что Саид не то что скептичен, он просто равнодушен к марксизму. Вторая состоит в том, что Саид не предложил никакой действенной методологии для того, чтобы решить проблему агрессии японского «культурного империализма» в отношении Кореи: это роковая проблема для корейских интеллектуалов критического толка уже на протяжении долгого времени.

В 1945 году в освобожденной, но находящейся во власти военной диктатуры Южной Кореи были два культурных табу – коммунизм и японские «развлечения»¹⁷. Первое относилось к национальной политике КНДР, то есть рассматривалось в качестве чуждой государственной идеологии, которой необходимо было противостоять. Второе подлежало устранению, поскольку вызывало ностальгию и апеллировало к культурной памяти о прежнем колониальном периоде: все эти японские развлечения представлялись бесполезным мусором для ослаб-

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

16 Гаятри Чакраворти Спивак (р. 1942) – философ, литературный теоретик, основоположница постколониальных исследований, профессор нескольких американских университетов, в том числе Колумбийского. Перевела на английский книгу Жака Деррида «О грамматологии». Хоми Баба/Бхабха (р. 1949) – исследователь постколониализма, профессор Гарварда, испытавший на себе влияние Жака Деррида, Мишеля Фуко, Эдварда Саида.

17 Имеется в виду японская поп-культурная индустрия, получившая мощное развитие еще перед Второй мировой войной.

ленной колониальным угнетением корейской культуры. И наоборот: после свержения военного режима для строительства по-настоящему демократического общества нужно было стратегическое использование обеих этих противоречащих друг другу стратегий. В любом случае это означало, что марксизм задавал основной тон для культурного осознания.

В 1970-е – это было время военной диктатуры – я преподавал в Сеульском университете. От своих студентов я получил растиражированные на mimeографе (гектографе) труды японских новых левых. В палатках с английской литературой в открытую продавались пиратские копии «Политического бессознательного» Фредерика Джеймисона. Если сам марксизм-ленинизм и был под запретом, то на подобного рода литературу смотрели сквозь пальцы.

Вместо Маркса читали Альтюссера и Хабермаса, поэтому я мог легко вообразить, как молодые исследователи набросятся на марксизм в оригинале, стоит случиться демократизация. Некогда так называемое «поколение 386»¹⁸ заплатило за Маркса огромную цену. Их среда вертелась вокруг перевернутых ожиданий: если ты не марксист, то ты и не человек. Саид не апеллировал к Марксовой классовой борьбе напрямую, но ему все равно не удалось избежать «испытания огнем» под названием «Маркс»: Саида читали как мыслителя того же уровня, и это было искаженным восприятием – но что поделать?

Еще одна трудность, связанная с восприятием Саида в Корее, которую мне хотелось бы затронуть, заключалась в том, что критика японского колониального управления так и не приобрела своего теоретического обоснования.

Во второй половине 1980-х в студенческих кругах Кореи распространилось понятие «культурный империализм». В соответствии с его тогдашним значением определенный тип культуры берет свое начало в империализме и функционирует как управленческая идеология империализма. Может сложиться впечатление, что здесь открывается путь, ведущий к Саиду, однако ориентализм в трактовке Саида в сильной степени имеет дуалистическую схему, и в некотором смысле тут есть опасность впасть в культурный детерминизм. В 1990-е появляются важные результаты исследований антияпонского движения за независимость в Корее, но с обнаружением «прояпонской волны» (имеются в виду те люди, которые сотрудничали с Японией во времена японского присутствия) последняя становится объектом нападок на самом широком уровне. (Помню, что многие корейские деятели кино затруднились с ответом, когда на одном симпозиуме, посвященном корейскому кино периода

18 Поколение 386 (*sampallyuk sedae*) – люди, родившиеся в 1960-х, которые в подростковом возрасте были крайне политически активны и сыграли важную роль в демократическом движении 1980-х.

колониального управления, куда позвали и меня, их спросили о прояпонских настроениях в киноиндустрии того времени.)

В рамках этого направления корейские интеллектуалы придавали большее значение не тем фантомам, которые возникают вследствие неверного понимания Востока Западом (Саид поступал точно так же), но корейскому культурному сопротивлению в колониальный период: именно эти обстоятельства были извлечены на поверхность и преданы широкой огласке. Культурологи и литературоведы не были очарованы двоякой, противоречивой схемой Саида, их внимание переключилось на теоретизирования Гаятри Спивак и Хоми Баба, критиковавших, обсуждавших и продолжавших дело Саида. Оба эти автора исходили из базовых западных теоретических построений, и их критика неокOLONIALИЗМА была слаба в прагматическом отношении. В определенный момент все подобные подходы стали воспринимать как игру и шутку, а такой взгляд кастрирует политическое сопротивление. Но это уже другой разговор. Вернемся к Саиду.

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

Саид не апеллировал к Марксовой классовой борьбе напрямую, но ему все равно не удалось избежать «испытания огнем» под названием «Маркс»: Саида читали как мыслителя того же уровня, и это было искаженным восприятием – но что поделать?

Если переходить к выводам, то Япония не попала в тот разряд, который Саид считает Западом. Да и у корейских интеллектуалов было произвольное отторжение от того, чтобы считать Корею одной из стран Востока. Почему? Да потому что Корея никогда не была колонией ни одной из стран Запада. Корею колонизировал Восток под названием Япония.

Однако в таком понимании есть тонкий нюанс, понятный только корейцам. Представление о том, что Корея – это маленький Китай, характерное для корейских интеллектуалов начиная с Нового времени вплоть до настоящего момента, существует на том основании, что Корея является прямым наследником конфуцианской этики Китая. Исходя из этой логики Япония – страна дикая, и ей отводится более низкий статус в культурном отношении. Корея значительно уступает Японии в плане модернизации и вестернизации; одна из причин, по которой она стала жертвой японского колониализма, заключалась в том до-модерном сознании, которое когда-то явно преобладало. В современной Корее словосочетание «колониальное управление» не используется. Исчезновение «Великой корейской империи»

в 1910 году трактуется как «принудительное объединение» с Японией. Гордость не позволяет корейским интеллектуалам прямоком перенести и спроецировать схему-оппозицию «Запад – арабский мир», на которой основана критика ориентализма Саидом, на оппозицию «Япония – Корея».

Саид критически относился к Марксовым взглядам на Азию, поэтому в разгар марксистского бума в Корею не стал его заменой-суррогатом. Саидовской схемы критикам ориентализма оказалось недостаточно, чтобы осуждать японский культурный империализм и при этом воспевать культурное сопротивление корейцев. В силу этих двух причин доброжелательного, благосклонного восприятия Саида в Корею так и не случилось, а деколониальные теоретизирования Саида продолжают оставаться для корейцев чем-то далеким. И уж тем более это касается палестинских проблем: книги Саида по этому вопросу не переведены, и никакого интереса среди корейцев к этой проблематике не обнаруживается.

САИД В КИТАЕ

Сразу после публикации «Ориентализма» наиболее колкая и острая критика на эту работу последовала вовсе даже не из Китая, а из Австралии: от австралийского синоведа Симона Лейса¹⁹ – восторженного почитателя китайской литературы, особенно Лу Синя²⁰ (см. его книгу «Пылающий лес»²¹). По мнению Лейса, «Ориентализм» в трактовке Саида применительно к китайской культуре и китайской ситуации бьет абсолютно мимо цели. Западные синологи до невероятия гордятся долгой историей своей науки. Развитие китайской цивилизации всегда вызывало у них глубочайший энтузиазм; превосходящая весь остальной мир экзегетика и многочисленные источники, хранящие накопленные за несколько тысяч лет знания, – все это в совокупности представлялось чем-то совершенно необъятным. Китаю повезло, но дальше констатации этого факта дело не пошло.

Саид старается избегать западных культурных искажений в отношении Востока – но так ли уж он преуспел в этом на самом деле? Ситуация обратная: для того, чтобы понять культуру Китая – а это отдельная профессиональная область, – необходимы длительные, кропотливые лингвистические штудии. С точки зрения самих китайцев, скорее всего их высокие и бла-

19 Симон Лейс (1935–2014) – бельгийский писатель, переводчик, исследователь-синолог. С 1970-х жил и работал в Австралии, преподавал в университетах Канберры и Сиднея.

20 Лу Синь (1881–1936) считается основоположником современной китайской литературы.

21 LEYS S. *La Forêt en feu: Essais sur la culture et la politique chinoises*. Paris: Hermann, 1983.

городные учения вряд ли могут быть поняты, а уж тем более истолкованы иностранцами. Собственно говоря, разве имеют какое-то отношение к самому Китаю синологи, читающие свои курсы в американских университетах? Если же считать получение различных знаний о Востоке продуктом колониализма и происками империализма, то тогда неплохо было бы, чтобы ЦРУ внес в свои сметы и бюджеты хоть немного расходов на изучение танской поэзии и сунской живописи! В подобном тоне, полном издевок и сарказма, был представлен перевод книги Саида в китаеязычных кругах в 1990 году.

Я же хотел бы кратко охарактеризовать восприятие Саида в китаеязычном мире, опираясь на статьи «Он и это. Ориентализм Эдварда Саида» Чжан Цзин-юань из Корнельского университета и «Теория и история. Восток и Запад» Лидии Лю²² из Колумбийского, аннотацию к которой написал японский исследователь Масахиса Судзуки²³.

В своей работе Чжан Цзин-юань очерчивает контуры восприятия Саида в Китае. Первым делом Чжан Цзин-юань разделяет ориентализм на три типа. Во-первых, ориентализм в научно-академическом смысле. Во-вторых, круг проблем понимания, связанных с оппозицией Востока и Запада. В-третьих, комплекс вопросов и проблем стиля, возникающий вследствие того, что Запад господствует над Востоком. На основе такой классификации во главу угла исследовательница ставит проблемы понимания и доминирования. Противопоставлять ориентализму оксидентализм представляется недостаточным. Для того, чтобы преодолеть оппозицию «Восток–Запад», необходимо углубиться в проблемы феминизма и разнообразных меньшинств.

После подавления протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году и краха надежд на демократизацию китайскими интеллектуалами овладел страх, что гуманитарные науки окажутся в глубоком кризисе. Это было время, когда казалось, что импортированное с Запада слово «постмодерн» сможет вспороть ситуацию временного застоя (блокады); именно такие на него возлагались надежды, оно казалось авангардом интеллектуальной моды. Лидия Лю предлагает обратиться к этому периоду времени и заново задать вопросы в отношении культурной гегемонии Запада, а заодно и к феномену модерности вообще.

Пусть это будет очередной сугубо персональной интермедией, но я хочу вспомнить дискуссию на одном форуме с учеными из Пекина, в которой я принимал участие. Суперзвезда

22 Лидия Лю (р. 1957) – американская исследовательница китайского происхождения, специалист в области медиа, литературовед-компаративист, профессор Колумбийского университета.

23 Масахиса Судзуки (р. 1967) – профессор Токийского университета, синолог.

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

ми в области теории были в то время Фредерик Джеймисон²⁴ и Эдвард Саид. Открыто упоминать Маркса и Мао избегали, но зато всепобеждающим оружием была работа Джеймисона «Политическая аллегория», в которой в хвалебном тоне говорилось об общем векторе интеллектуальной мысли Лакана и Лу Синя. Когда западные ученые в дискуссии старались одолеть китайских коллег с помощью логики, в ответ они получали: «Это не более чем саидовский ориентализм!». Западная сторона мгновенно замолкала, и из разных концов аудитории начинало доноситься: «Ориентализм!» «Политическая аллегория!» Эти слова звучали подобно спасительным заклинаниям-оберегам.

Перевод книги Саида «Культура и империализм» в 1993 году задал китайским интеллектуалам несколько прямых вопросов. Саид прослеживает тесную взаимосвязь между культурой и искусством, с одной стороны, развитием и трансформацией империи, с другой. Если это так, то что же нам думать про Китай: Поднебесная империя развивалась из века в век, а знание и науки (в западном понимании этого слова), наоборот, деградировали? И является ли точка зрения Саида достаточной для того, чтобы судить о культуре Китая, история которого до конца XIX века вовсе не была колониальной в саидовском смысле?

Саид прослеживает тесную взаимосвязь между культурой и искусством, с одной стороны, развитием и трансформацией империи, с другой. Если это так, то что же нам думать про Китай: Поднебесная империя развивалась из века в век, а знание и науки, наоборот, деградировали?

В итоге самые разные полемисты и теоретики, взбудораженные Саидом, пришли к тезису «Пусть соперничают сто школ»²⁵. И началось. Движением сопротивления, по Саиду, должна быть охвачена вся территория, разве не так он толкует структуру управляемого субъекта? Если ориентализму просто противопоставить оксидентализм, то это вызовет антизападнические настроения и чувства у широких масс народа, не так ли? Разве не нужно в наших рассуждениях строго разграничивать ориентализм и фиктивный образ Востока? Важным делом является вос-

24 Фредерик Джеймисон (1934–2024) – американский марксист-теоретик, литературный критик, литературовед-компаративист, ученик Эриха Ауэрбаха.

25 Явная отсылка к лозунгу Мао Цзэдуна «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Был провозглашен в 1957 году, призывал к гласности и выражению критики, но с появлением последней немедленно начались репрессии и травля интеллигенции.

становление китайской культурной идентичности... С чем еще нам предстоит столкнуться, особенно в период «столкновения цивилизаций»?²⁶ Подобные дебаты говорят о том, что для Китая, вступавшего тогда в глобальный мир, сохранение культурной независимости было (и остается) важной проблемой для самосознания нации. Однако стоит сказать и о том, что большая часть китайских специалистов, ведущих подобные дискуссии, – это американские ученые китайского происхождения.

В конце мне хотелось бы добавить, что когда в сравнительно короткие сроки на Тайване была переведена работа «Кто такой интеллигент?», то не только на Тайване, но и в Китае она была встречена с большим энтузиазмом. В Китае традиционно интеллигент – это тот, кто взыскует общественных перемен и способствует их свершению. Ван Сяомин²⁷, убежденный, что гуманитарные науки находятся в кризисе, проникся огромным сочувствием к книге Саида; он настаивал, что китайской экономической прагматике можно сопротивляться только «гуманитарным духом». Он всерьез уверовал, что судьба гуманитария в такие времена – это изгойство, бродяжничество и эмиграция.

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

Японский документальный фильм о Саиде

В Корее Саиду был оказан сдержанный прием, которому сопутствовали не слишком продуктивные дискуссии; в Китае и на Тайване – исходя из местных культурно-политических контекстов и обстоятельств – Саида восприняли более радушно и чистосердечно. А как насчет Японии? Я не собираюсь здесь подробно писать о том, какое влияние оказал Саид на современных японских мыслителей и историков. Вместо этого я приведу пару примеров того, насколько масштабное воздействие он оказал на японские кино и литературу: это уже само по себе говорит о том, с каким энтузиазмом в Японии продолжают читать и перечитывать книги Саида. Имена тех, о ком пойдет речь, я уже упоминал: это Макото Сато и Кэндзабуро Оэ.

Макото Сато (1952–2007) – яркий представитель японского документального кино. В мир документального кинематографа он вошел еще в студенчестве, работая помощником режиссера на съемках фильма о последствиях загрязнения воды. Дебютировал он картиной «Жить на берегах Агано» (1992), которая посвящена людям, населяющим берега загрязненной реки Агано: среди них режиссер прожил два года. Сато не обвиняет в открытую с целью возбудить судебное разбирательство. Он

26 См.: HUNTINGTON S.P. *Clash of Civilizations*. New York: Simon & Schuster, 1996.

27 Ван Сяомин (р. 1955) – профессор Шанхайского университета, специалист в области истории китайской мысли.

показывает в фильме обычную, вполне бесцветную, рутинную жизнь местных стариков. Сато избегает говорить языком мастеровитого оператора, снимающего повседневность с высоты своего искусства; напротив, ему достаточно бесстрастно показать искаленную из-за локальной экологической катастрофы руку старика – и вот уже готов сильный месседж касательно положения пожилого человека, у которого отняли возможность высказывания.

Вслед за этим Сато снял фильм о жизни фотографа, с детства страдающего избыточным весом из-за тяжелой болезни. Еще он снял документальный фильм об искусстве аутсайдеров²⁸: в нем свои произведения искусства экспромтом создает слабоумная женщина, используя для этого продукты питания. «Эдвард Саид. *Out of Place*» (2005) – это первый и единственный фильм Сато, созданный на иностранном материале.

Могила Саида находится не в Нью-Йорке, где он прожил вторую половину жизни, и не в Иерусалиме, где он родился. Мемориальная усыпальница воздвигнута в Ливане, на протестантском кладбище в Брумане. Фильм пытается ответить на вопрос, как так вышло. В первой половине фильма мы видим родной дом Саида: это вилла в сельской местности, где прошло не одно счастливое отроческое лето. Практически пустой дом, долгое время пребывавший в заброшенном состоянии, был перестроен. Окрестные жители понятия не имели, что здесь когда-то жила мировая знаменитость. Не осталось ни одного человека, который помнил бы те времена, когда еще до основания государства Израиль палестинцы и иудеи здесь жили в мире. Атмосфера второй половины фильма уже совсем другая. Показана – в характерной для Сато бесцветной манере – жизнь в лагерях для палестинских беженцев в южном Ливане. В тесных бараках множество людей, денно и нощно за ними присматривает израильский солдат. Мы видим людей, которые даже в таких нечеловеческих условиях не теряют сил жить и сохраняют чувство юмора. Они и есть те самые братья, ради которых Саиду было не жалко принести себя в жертву.

Первая половина фильма явно контрастирует со второй. Среди прочего сюда включены ценные архивные кадры *home video*, показывающие юношеские годы Саида, а также рассказы о Саиде его супруги и двоих детей. При этом сильнее всего зрителю бросается в глаза одинокий энтузиазм Саида, лишившегося родины, но всеми силами сохранившего в себе привязанность к ней. Саид собственной жизнью демонстрирует, что

28 Искусство аутсайдеров, арт-брют (фр. *art brut*) – визуальные работы душевнобольных, бродяг, нищих и других людей, находящихся на обочине общества. Термин «арт-брют» введен французским художником Жаном Дюбюффе в 1945 году; термин «искусство аутсайдеров» – британским искусствоведом Роджером Кардиналом в одноименной книге в 1972-м.

проблематика ориентализма является частью его биографии и повседневности. Ориентализм не пришел к нему извне. Он уходит корнями глубоко в жизнь и судьбу мыслителя, в его дом, близкий круг, семейные связи и прочее. Именно к этой правде, к этой истине и действительности апеллирует и взывает Ма-кото Сато.

Фильм не занимается прямым толкованием мысли и политической позиции Саида. Автор не использует сохранившиеся записи интервью, лекций и выступлений, вместо этого он еле-еле, слабо намекает на следы существования Саида, но сам Саид при этом отсутствует. Действительно, вот Ноам Хомский почтительно высказывается о Саиде, а вот близкий друг Саида – израильский дирижер и пианист Даниель Баренбойм – исполняет на фортепиано Шуберта. Спруга и дети предаются воспоминаниям. Зрители, которые посмотрят этот фильм, ничего не узнают ни о теоретизированиях Саида о литературе, ни о его позиции касательно палестинского вопроса. Все, что мы видим, – это красный стул, на котором больше никто не сидит, и опустевший безлюдный кабинет в Колумбийском университете.

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

Саид собственной жизнью демонстрирует, что проблематика ориентализма является частью его биографии и повседневности. Ориентализм уходит корнями глубоко в жизнь и судьбу мыслителя, в его дом, близкий круг, семейные связи и прочее.

Сато стремился воскресить воспоминания о родном доме в Иерусалиме и о летней вилле, которые упомянуты в «Возвращении в Палестину». Кинорежиссер прослеживает следы Саида-мальчика и Саида-юноши от Рамаллы до Каира, Бейрута и Нью-Йорка. Ему помогают в этом случайно обнаруженные на чердаке горной виллы фрагменты *home video*, где появляется Саид-ребенок. Перед нами навсегда утраченное пространство и время наивысшего счастья и блаженства. Но никаких многословных комментариев и пояснений к этим кадрам Сато не добавляет. Вместо этого он направляет камеру на троих сирийский подростков, находящихся в бывшем доме Саида. Это, если угодно, запись путешествия-паломничества в поисках человека, исчезнувшего с лица земли, которое не имеет конечного пункта назначения.

И с точки зрения географического охвата, и с точки зрения выхода за рамки привычного, думаю, что ни палестинец, ни израильтянин, ни даже американец такого фильма снять не мог бы. Находясь на позиции, в политическом плане не отдающей

предпочтения ни Палестине, ни Израилю, не касающейся Саида как современного мыслителя, Сато впервые позволил себе мягкий, свободный замысел и реализовал возможность беспрецедентного *road movie*. И вдова Саида, и близкий Саиду Кэндзабуро Оэ встретили фильм с глубоким пониманием и сочувствием. С момента своего изобретения кинематограф как оптическое устройство в основном исходит из намерения отражать реальное положение вещей. Что же, получается, в этом фильме возникает возможность показать отсутствие? Именно этот вопрос поднимается в работе Сато. Наиболее печальное в этой истории то, что режиссер, страдая тяжелой депрессией, через два года, в возрасте 49 лет покончил жизнь самоубийством.

«О ПОЗДНЕМ СТИЛЕ» ЭДВАРДА САИДА И «В ПОЗДНЕМ СТИЛЕ» КЭНДЗАБУРО ОЭ

Кэндзабуро Оэ (1935–2023) в каком-то смысле представлял (и даже олицетворял) послевоенную литературу Японии, он был авторитетным критиком состояния японского общества и общественного мнения. Для послевоенного поколения японцев Оэ – совесть и надежда всех тех, кто уповал на демократию. В литературном плане он отталкивался от Сартра, был близок англоязычной поэзии первой половины XX века – Одену и Элиоту, – его вдохновляли Данте и Блейк. Помимо немалого количества романов, Оэ – автор репортажей о последствиях атомной бомбардировки Хиросимы и об Окинаве, где расположены американские военные базы. Высказывания Оэ не раз вызвали общественные дискуссии и даже публичные скандалы; как-то раз он даже дерзнул сравнить верноподданнические чувства японцев с терроризмом, указав на общее, с его точки зрения, – эротический экстаз. В 1994 году Оэ был удостоен Нобелевской премии по литературе. В своей нобелевской лекции он не стал, в отличие от предыдущего японского нобелиата Ясунари Кавабаты, восхвалять тонкие эстетические категории японской культуры; он сделал своей темой двойственность исторической ситуации, в которой оказалась страна в результате проведенной властью в конце XIX века ускоренной модернизации и вестернизации.

Кэндзабуро Оэ дружил со многими иностранными писателями, к примеру, с Габриэлем Гарсия Маркесом, но особенно близкие отношения его связывали в Эдвардом Саидом. В 2003 году Саид умер, а в 2006-м посмертно вышла его работа под названием «О позднем стиле», которая произвела на Оэ огромное впечатление. Несмотря на возраст и активное участие в движении против мирного использования ядерной энергии (ко-

торое достигло пика после аварии на атомной электростанции в Фукусиме в 2011 году), Оэ сочиняет сборник прозы «В позднем стиле»²⁹.

Для тех, кто не так близко знаком с творчеством Оэ, «В позднем стиле» может оказаться нелегким чтением. Здесь появляются персонажи со странными прозвищами, их истории переплетены с другими сюжетами, состоящими из многократных повторений; более того, для проникновения в авторский замысел совершенно необходимо знание предыдущих произведений Оэ³⁰.

Рассказчик, которого зовут «Когито» (от декартовского *cogito ergo sum*, но в то же время по соответствующим японским иероглифам «древний», «долг» и «человек»³¹), родился в деревне на Сикоку, ныне живет в Токио и усердно занимается писательством. У него есть жена, сын и дочь, причем сын страдает ментальным отклонением. Все это напоминает персональную жизненную ситуацию самого Кэндзабуро Оэ, и можно подумать, что «В позднем стиле» воскрешает традиции японской эго-беллетристики начала XX века, где повествование шло от первого лица, а мысли и впечатления повествователя мешались с вымыслом. В этой книге действительно перемешаны биографические обстоятельства жизни автора и придуманные им ситуации. Так, Когито, участвуя в антиядерных протестах, получает тяжелую травму головы. Он едва не оказывается вовлечен в организацию террористического взрыва в токийском небоскребе. Когито, оторванного от повседневности книжника, обстоятельства подводят к «опасной аванюре посреди повседневной жизни». Вдобавок покончил с собой его родственник, кинорежиссер, и это стало для героя тяжелым ударом.

В какой-то момент близкие Когито поднимают мятеж. Они твердо намерены, наконец, сказать правду о своем недовольстве тем, как они сами, их поступки и слова представлены в романах Когито. Более того, они готовы взять реванш за притеснение, которое они терпели в семье. Мятежницы намерены внести поправки в текст Когито, поэтому к основному тексту в качестве дополнительного файла прилагается альтернативный.

Одновременно происходят еще несколько странных событий, связанных с прошлой жизнью Когито. Ему ничего не остается,

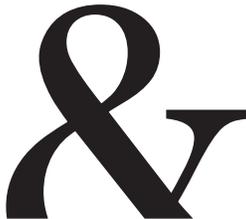
ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

29 На японском заглавие скорее звучит как «Собрание позднего стиля», здесь использована калька с английского «In late style» (в отличие от заглавия книги Саида – «On Late Style»).

30 Примечательно, что персонаж с именем Когито встречается в поэзии польского поэта Збигнева Херберта, см. его сборник «Пан Когито» (отдельные стихотворения представлены в: ГАСПАРОВ М. *Экспериментальные переводы*. СПб.: Гиперион, 2003. С. 260–266). Для того, чтобы понять, что значит намеренная перегруженность повторами в последней книге Оэ, стоит прочесть его роман «Игры современников» (1979), а для того, чтобы проследить истоки того, как он в своем творчестве изображает японскую деревню, стоит ознакомиться с его романом «Футбол 1860 года» (1967). Оба романа доступны на русском языке.

31 Что вместе может означать «человек древнего долга» или «человек длительных связей».

как переписать уже написанную в его предыдущих произведениях свою жизнь, создать другой нарратив о себе и окружающих. Как только Когито это делает, восставшие близкие (среди которых его жена) избавляются от власти повествования и повествователя и начинают новую жизнь. «В позднем стиле» заканчивается длинным стихотворением, сочиненным Когито.

В этой прозе Оэ Кэндзабуро подводит итог всем своим произведениям, как бы заново переписывая свои предыдущие романы. Даже сам Когито (*alter ego* Оэ) перекочевал из романа «Дети с горестными лицами» (2002). Как и Оэ, он борется за социальную справедливость и против атомной энергетики. Как и у самого Оэ, сын Когито страдает отклонениями в развитии. Самоубийство одного из персонажей «В последнем стиле», кинорежиссера, отсылает к судьбе документалиста Макото Сато, а через него – к Эдварду Саиду, чье эссеистическое исследование «позднего стиля» легло в основу последней книги Кэндзабуро Оэ.

Финальная переключка между «поздними стилями» Оэ и Саида – в том самом стихотворении Когито, которым завершается книга. Саид писал: «Сам человек не может ни разрушить, ни преодолеть тяжести преклонных лет, он может только усугубить ситуацию». У Когито читаем:

Во мне
слова моей матери
без намеков и тайн и вот наконец впервые
я, старик, хочу дать ответ
всем этим мелким вещам, всем мелочам
я не могу прожить жизнь заново, но
мы можем.

Эпилог

В Колумбийском университете хранится архив Эдварда Саида. В нем есть масса важных и любопытных материалов, однако тот корпус текстов, который представлен японскими исследователями, говорит об одном: японцы знают Саида в качестве ученого-теоретика-литературоведа-компаративиста, но почти не знают его в качестве политического активиста, борца за свободу Палестины. Образ Саида в японском дискурсе остается однобоким и неполным.

Переписка Саида с матерью, о которой мы знаем из его автобиографии, до сих пор так и не опубликована, и в архиве Колумбийского университета она отсутствует. Между тем это довольно важный источник: судя по всему, мать Саида была одним из самых главных его корреспондентов. Тема матери, на почве которой Саида можно с легкостью породнить с Прустом,

еще ждет своего продолжения. Нам же, потомкам и в каком-то смысле продолжателям дела Саида, остается одно: повторять заветы Саида и следовать им.

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ РЕЦЕПЦИИ

Что бы Эдвард Саид сказал по поводу нынешних событий в Газе? Эпилог переводчика

В конце 2023 года Инухико Ёмота откликнулся на просьбу токийского еженедельника «Пятница» («Кинъёби») и написал короткий текст по поводу трагических событий в Израиле и Газе. Это эссе было неизбежно связано с политическим, интеллектуальным и моральным наследием Эдварда Саида. С разрешения автора мы публикуем здесь русский перевод. **[Александр Беляев]**

10 октября 2023 года, новости. Израильские войска вошли в Газу, видны взрывы вблизи подземных тоннелей, рядом с больницами и детскими садами. Как будто кто-то разрушает муравьиное гнездо. Я сразу же вспомнил известняковые пещеры на Окинаве или южнокорейский остров Чеджудо³².

Этот выпуск журнала появится в продаже 1 декабря 2023 года. Что произойдет к тому времени – не могу даже предположить. Но смутно могу представить себе, что будет через год или через десять лет. Израиль исчерпает свои силы. Антисемитизм во всем мире наберет дикие обороты. На почве всеобщей ненависти неонацизм немедленно усилит свои позиции, вследствие чего повсюду возрастет количество таких мест, куда евреям лучше не соваться, даже если к политике Израиля они относятся критически.

Что бы сказал насчет текущей повестки дня Эдвард Саид, будь он сейчас жив? В книге «Мир. Текст. Критика»³³ он пишет:

«То, что рассказывается, – рассказывается исключительно в момент времени рассказа, рассказывается ради (и для) этого момента времени и рассказывается теми, кто живет в этом моменте времени. Это и есть самая буквальная, само собой разумеющаяся правда и реальность высказывания, какой бы смысл в него ни вкладывали».

32 В XX веке история Окинавы и южнокорейского острова Чеджудо были тесно связаны с военной историей Японии и США. Американское военное присутствие на Окинаве до сих пор вызывает активное недовольство местных жителей, что дает повод японским интеллектуалам постоянно выступать с призывами к деамериканизации и демилитаризации острова. В свою очередь Чеджудо был оккупирован территорией Японии с 1910-го по 1945 год, так что в данном случае покаянный тон японских интеллектуалов вызван военными преступлениями уже самой империалистической Японии, некогда государства-агрессора.

33 SAID E. *The World, the Text, and the Critic*. Cambridge: Harvard University Press, 1983.

Саид родился в Палестине, изучал сравнительное литературоведение в Гарварде, проявил себя человеком невероятного ума и таланта. Он находился в авангарде современной критической мысли, переводил выступление Ясира Арафата в ООН, выступавшего спикером ООП, и вообще отдал свою жизнь делу освобождения Палестины. Я слушал его лекции в Колумбийском университете. Среди прочего он полагал:

«Профессионал и интеллектуал – это разные вещи. Интеллектуал не использует профессиональный жаргон и не опирается на уже сложившуюся систему знаний или поддержку влиятельных кругов; он тот, кто высказывается и выражается как любитель. Он не сковывает себя границами установленных профессиональных областей, академическими сферами и полями; взгляды и ценности – вот те вещи, которых он взыскует и которые он с необходимостью транслирует».

В Колумбийском университете хранится огромный архив Эдварда Саида: едешь туда, читаешь, перелопачиваешь – и все, статья, диссертация или монография у тебя в кармане. Я просто покатывался со смеху: надо же, как удобно! При этом я считаю, что явление под названием «специалист по Саиду» – это нонсенс, и дело тут не в противоречии, которое содержит в себе это нелепое словосочетание. Мне доводилось рассуждать о Саиде и в Дели, и в Бейруте, и все мои слушатели и собеседники сами читали и понимали Саида до такой степени, что он всякий раз будто бы наяву возникал перед глазами, но все равно ни у кого из них язык не поворачивался называть себя «специалистами по Саиду».

Сами по себе сочинения Саида не раз корректировали орбиты и траектории моих собственных штудий. Они, так сказать, наставляли меня на путь истинный. Будучи аспирантом, я наивно полагал, что явления вроде произведений литературы можно анализировать так, как будто это такие свободно парящие в космосе тексты-объекты. Подобная поза – это ошибка, научил меня Саид. Мне даже самому довелось переводить Саида на японский, но считать себя специалистом по нему – нет уж, увольте. Вместо этого, будучи проездом в Тель-Авиве, я находил себя в той Палестине, о которой рассуждал Саид. Я встречался с ее жителями, смотрел и обсуждал ее кино³⁴, переводил ее стихи³⁵. И во всем, что касается Палестины, равно как и во всем, что касается самого Саида, – я тут кругом любитель, и я намереваюсь и впредь твердо держаться подобной позиции.

34 В 2023 году Инухико Ёмота опубликовал книгу «Прощай, Бейрут. За что боролась Жоселин?», которая посвящена памяти ливанской журналистки и кинорежиссерки Жоселин Сааб (1948–2019).

35 В 2003 году по-японски в переводе Инухико Ёмоты вышла книга стихотворений «Писать на стене» палестинского поэта Махмуда Дарвиша (1941–2008).

Архивам присущи свои рамки и границы. Каким образом, в каком виде в архиве Эдварда Саида хранятся все те сомнения и опасения, страхи и тревоги, которые он испытывал в течение всей своей жизни? Что скажут на это самозванцы-специалисты-саидоведы, чья нога ни разу не ступала на землю Палестины, как они смогут приблизиться к этой проблеме?

*Подготовка текста, перевод с японского и комментарии
Александра Беляева*

ИНУХИКО ЁМОТА

ЭДВАРД САИД В ВОСТОЧНОЙ
АЗИИ: НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ
РЕЦЕПЦИИ

